

ОТЗЫВ

председателя диссертационного совета о диссертации НУРГЮЛ ОЗДЕМИР на тему
«СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИТЕРАТИВНОСТИ В ТЕКСТЕ РУССКОГО
РАССКАЗА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА (ФУНКЦИОНАЛЬНО-
СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)»,

представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по
научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Работа Н. Оздемир выполнена в русле исследований с функциональных позиций письменного художественного текста. Цель работы сформулирована таким образом: «выявить семантическую и функциональную специфику итеративных единиц в художественном тексте рассказа (на примере русского рассказа конца 19-го – начала 20-го века)» (с. 8-9). Конкретным материалом для анализа стали рассказы А.П. Чехова (255 текстов) и И.А. Бунина (71 текст). На этом материале Н. Оздемир попыталась в своей работе доказать весьма интересную гипотезу: «анализ контекстов, содержащих итеративные единицы, позволяет выявить <...> их влияние на формирование подтекста (здесь и далее в цитатах курсив мой. – Н. Б.-Б.)» (с. 8). В положениях, вынесенных на защиту, эта гипотеза представлена еще шире: «Использование итеративных единиц в разных синтаксических ролях является *идиостилистической характеристикой*» автора (с. 12). Сразу скажу, что гипотеза эта в работе вполне убедительно подтверждена.

Речь в диссертации идет о 12 единицах: *всегда, как всегда, обычно, обыкновенно, по обыкновению, по привычке, регулярно, вечно, постоянно, всякий раз, каждый день, ежедневно*, – для которых Н. Оздемир в первой главе вводит термин «итеративные единицы» (ИЕ; сокращение мое, в работе оно не используется). Отмечаю это как положительный момент, так как на этапе предзащиты диссертации это были просто «наречия». Видно, что выводы из обсуждения автором были сделаны. Однако уже на этом этапе возникает и мой первый вопрос: кое-где в работе появляется еще вполне удачный, на мой взгляд, термин «итеративный маркер» (сс. 38 и 48) и множество раз – «маркер итеративности» и «наречный маркер итеративности». Синонимичны ли эти термины «итеративным единицам»? Почему не был выбран какой-то один термин – как основной? Думаю, было бы уместно даже обсудить в работе вопрос о выборе термина для единиц исследования, он отнюдь не является чисто формальным и наверняка имеет большую литературу. К сожалению, уже в начале второй главы в тексте снова появляются «наречия» (см. с. 114 и далее). Те же «наречия» упоминаются и в заключении (см., например, с. 245). Создается впечатление, что сил на правку текста у автора хватило только на первую половину диссертации.

Сразу задам и еще один небольшой вопрос. Почему для исследования выбраны именно эти 12 ИЕ? В списке есть *всякий раз* и *каждый день*, но нет, например, вполне итеративного маркера *каждый раз*? Есть ли какие-то причины для такого ограничения?

В первой главе исследования дан добротный обзор литературы, не только русской, но и турецкой. Все 12 исследуемых ИЕ тщательно проверены и описаны по ряду словарей,

выделены, где было возможно, их синонимы и антонимы, то есть дальнейший анализ материала теоретически был хорошо подготовлен. Из теоретических моментов в работе Н. Оздемир рассматриваются такие важные понятия, как «художественная картина мира» и «идиостиль автора» (с. 93 и далее), «менталитет» и «ментальность», с обзором соответствующей литературы. В целом вся первая глава убедительно показывает, что предпринятое исследование отличается *актуальностью* и имеет несомненную *научную новизну* и *теоретическую значимость*.

Анализ материала во второй главе проводится по четко разработанному автором *алгоритму*, включающему 6 шагов: семантика, синтаксическая функция ИЕ, сочетаемость с другими словами в тексте, тип коммуникации, особенности перевода на турецкий язык и т. д. На нескольких примерах Н. Оздемир показывает ход этого анализа, а затем суммирует его результаты в целом ряде таблиц. Их в работе 36, не считая обширного приложения. Отмечу, что весь анализ материала сопровождается примерами перевода выбранных фрагментов на турецкий язык (это 6-й шаг используемого алгоритма). Турецкий материал составляет весьма значительную часть анализируемых текстов, апелляции к нему присутствуют и в задачах работы, и в выводах к каждой главе. Остается только пожалеть, что этот сопоставительный аспект никак не отражен ни в названии диссертации, ни в ее главной цели. Думаю, это можно расценить как мое первое замечание к рецензируемой работе, на которое я надеюсь услышать ответ от автора.

В разделе 2.2 анализ материала ведется уже пословно, сразу в текстах обоих авторов, и снова с большим количеством цифр, таблиц, и в сопоставительном ключе: сравниваются и тексты А.П. Чехова и И.А. Бунина, и оригинальные русские тексты этих авторов – с их переводами на турецкий язык. В последнем случае выделяются все ошибки переводчиков, и даже предлагается классификация этих ошибок, что позволяет говорить уже о *практической значимости* рецензируемого исследования – как минимум, для практики перевода художественных текстов с русского языка на турецкий (и, вероятно, на другие языки), а может быть, и для практики преподавания русского языка как иностранного, хотя специально этот момент в работе и не выделяется.

В разделе про наречие (вот здесь именно наречие!) *всегда* хочется отметить внимание Н. Оздемир к его просторечному варианту *завсегда*, что свидетельствует об исследовательской аккуратности и дотошности автора работы. Здесь мне понравилось важное, хотя и вполне ожидаемое наблюдение, что такая форма встретила только в репликах героев, а не в авторской речи.

Но тут я вынуждена сделать еще одно замечание. Судя уже даже по количеству страниц, отведенных на описание каждой из ИЕ, видно, что частотность их в пользовательском подкорпусе очень разная: так, 24 страницы заняло описание единицы *всегда*, 18 – *обыкновенно*, в то время как для большинства ИЕ хватило 3-6 страниц. Логично возникает вопрос о частотности анализируемых единиц в русском языке вообще и в текстах каждого из рассматриваемых авторов в частности. Может быть, где-то в тексте диссертации такие данные и есть, но в столь неявном виде, что прошли мимо моего

внимания. И уж совсем нет данных, например, частотных словарей русского языка, которые позволили бы выстроить все 12 рассматриваемых ИЕ на своеобразной ранжированной шкале.

Отдельно в работе материал анализируется по *коммуникативным ситуациям*, в которых используются исследуемые ИЕ: описание внешнего вида или поведения человека, а также описание природы или социума. И снова постоянно материал дается в сопоставлении данных по двум авторам, а в разделе 2.4 суммируются сведения о специфике перевода всех ИЕ на турецкий язык. Видно, таким образом, что анализ в работе Н. Оздемир проведен тщательно, логично и обстоятельно.

Однако уже в этой – хвалебно-констатирующей – части отзыва я высказала четыре вопроса-замечания, к которым вынуждена добавить и еще некоторые критические соображения разной степени серьезности.

Так, в списке использованной научной литературы в тексте диссертации упомянуты три номера на турецком языке (с. 271), но уже на с. 7 во введении указаны 7 турецких работ, а на с. 10 их уже 13. Вопрос: куда они все потом подевались и почему не вошли в итоговый список?

Вообще, вопрос о количестве работ, прочитанных и проанализированных Н. Оздемир, оказался несколько загадочным. В списке их 168 (в том числе 7 собственных работ автора) + 13 словарей и 9 источников. А на с. 15 сама Н. Оздемир говорит о 145 научных трудах и 330 источниках. Разница в цифрах, особенно с источниками, слишком велика, чтобы счесть это простой погрешностью при подсчетах.

Много раз в первой части своего исследования, давая обзор литературы вопроса, Н. Оздемир пишет о «работах отечественных и зарубежных лингвистов». Думаю, что, говоря об «отечественных», автор все же имеет в виду не турецких, которые являются для нее отечественными, а о российских исследователях. Лучше было бы так и сказать.

Описывая стилистику ИЕ, Н. Оздемир пишет, в частности: «В большинстве (6) случаев наречия имеют нейтральный стиль» (с. 63). Но 6 из 12 – это отнюдь не большинство, а всего лишь половина.

В таблице 7 на странице 109 появился непонятный (и тоже вполне загадочный) термин «текстовый мент». Не исключено, что это – обрывок слова *фрагмент*, но тогда впечатление небрежности, с которой оформлена работа, и ее невычитанности, только усиливается. А впечатление это, к сожалению, очень сильное. Текст диссертации просто изобилует ошибками, опечатками, стилистическими погрешностями и прямыми нарушениями ГОСТа. Даже несколько странно, что такой текст приняли в Ученом совете и разместили на сайте университета. Так, ширина страницы у Н. Оздемир – на 5 см меньше стандарта (неполных 11,5 см вместо положенных 16,5), что увеличило в результате общий объем текста на 70 (!) страниц (я не поленилась «поиграть» с этим). А шрифт, которым набран текст, наоборот, уменьшен: с 14 кегля до 11. Смысла во всех этих манипуляциях никакого нет – простая и, в общем-то, недопустимая небрежность.

Еще один содержательный вопрос, который я уже задавала автору в ходе обсуждения работы, но вынуждена повторить: на с. 246, уже в заключении, Н. Оздемир пишет, что «анализ итеративных единиц проводился не только в *сравнительном* (здесь и далее в цитате курсив мой. – Н. Б.-Б.) плане (в рассказах А.П. Чехова и И.А. Бунина), но и в *сопоставительном* (в русском языке и в переводах на турецкий)». Хотелось бы понять смысл такого противопоставления терминов (*сравнительный* – *сопоставительный*), которые в лингвистике являются полными синонимами. На мой взгляд, это один и тот же метод, только примененный к разному материалу.

На этом мои вопросы и замечания заканчиваются. Скажу еще, что работа Н. Оздемир прошла вполне достаточную апробацию: 4 доклада на разных конференциях и 7 публикаций отражают ее содержание и вызывают доверие к полученным результатам. ВАКовские публикации в общем списке, к сожалению, никак не выделены, но хочу верить, что их – достаточное количество.

В целом диссертация Нургюл Оздемир на тему: «Средства выражения итеративности в тексте русского рассказа конца XIX – начала XX века (функционально-семантический аспект)» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а соискатель Нургюл Оздемир заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России. Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не обнаружены.

Председатель диссертационного совета,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
филологического факультета СПбГУ

Н.В. Богданова-Бегларян

05.09.2022